

Т. Бюргиссер. «Нежелательные гости». Русские солдаты в Швейцарии в 1915–1920-х гг. Цюрих: Пано ферлаг, 2010. 238 с.*

В воспоминаниях и исследовательских работах современники и историки не случайно описывают Первую мировую войну с помощью метафор «Великая», «первая современная», «первая индустриальная», наконец «родовая травма (XX) столетия». За короткие 4 года, ознаменовавшие внезапный конец «прекрасной эпохи», произошли беспрецедентные изменения в стиле ведения боевых действий, завершилась милитаризация экономики и общественной жизни, возникла невиданная до тех пор в Европе миграция национальных и социальных групп и отдельных лиц. Перипетии военной судьбы заносили людей в те уголки мира, где в нормальной ситуации они просто не могли оказаться: например, колониальные формирования английских и французских армий сражались на Западном фронте, а часть из них побывала в лагерях военнопленных Центральных держав; русские офицеры и солдаты оказались в западноевропейских странах, о жизни в которых они прежде имели очень смутное представление.

На примере сравнительно небольшой (около 3 тыс. человек) группы русских военных, вынужденно оказавшихся в Швейцарии в годы Первой мировой войны, швейцарский историк Томас Бюргиссер рассматривает не только судьбу самих солдат, но и эволюцию швейцарской политики в отношении вынужденных мигрантов, историю российско(советско)-швейцарских отношений и трансформацию образа России в сознании швейцарской общественности. Как убедительно показывает автор, в силу своего статуса нейтральной страны, вследствие внутренних кризисов, а еще чаще из-за культурных стереотипов, Швейцария терпела беглых пленных и дезертиров как «нежелательных гостей», задержавшихся на ее территории на несколько лет. В центре же исследования, по словам автора, находится «отдельный человек, индивид как исторический актор» (s. 15). При этом термин «солдаты» используется как обобщающее понятие, поскольку речь в книге идет и об офицерах. Показательно, что повествование начинается описанием побега М.Н. Тухачевского из Ингольштадта и его возвращения через Швейцарию и Францию в Россию.

Бюргиссер изучил обширный комплекс документов: распоряжения швейцарских вла-

стей, ведомственную переписку и материалы местной прессы, хранящиеся в центральных и кантональных архивах Швейцарии. Отсутствие русскоязычных материалов и сравнительно небольшое количество сохранившихся источников частного происхождения, необходимых для описания восприятия происходящего «маленьким человеком», автор пытается компенсировать обращением к методологической концепции «жизненного мира», в котором «неразрывно связаны друг с другом индивид и система» (s. 18). Бюргиссер считает, что и на основании административных актов и протоколов допросов можно выявить часть жизненного опыта отдельных людей, их представления и мотивы их действий. Для этого, по его мнению, следует лишь правильно отбирать и интерпретировать информацию, сравнивая друг с другом разные источники (s. 19).

Сам автор признает тенденциозность имеющихся у него данных, в которых отразились преимущественно негативные стороны вынужденного пребывания русских военных в Швейцарии: стачки, преступления, конфликты. Поэтому неизбежно «за кадром» в книге остаются многие интересующие ее автора аспекты культурной истории: внутренняя неформальная организация сообщества беглецов и дезертиров, поведенческие практики, образцы восприятия и толкования, духовная жизнь. Читателю мало что удастся узнать о повседневных контактах россиян с швейцарским населением и с представителями других наций, оказавшихся в рабочих командах. Намеком на их интенсивность является подробно описанный автором пример отправки последнего транспорта с русскими военными из Базеля, превратившейся в демонстрацию солидарности с местными социал-демократами и закончившейся столкновением с швейцарскими военными (s. 181–185). Тем не менее голоса самих «русских солдат» в книге раздаются чрезвычайно редко, а предположения об их судьбе после возвращения на родину выглядят недостаточно обоснованными по сравнению с детальным описанием жизни оставшихся в Швейцарии. Недостаток материала вообще часто вынуждает Бюргиссера прибегать к излишне широким обобщениям и распространению единичных выводов на целые социальные группы. Примером подобной генерализации может служить описание судьбы русских военных при советской миссии в Вильдерсвиле, о которых говорится: «Некоторые русские нашли работу и могли улучшить свой бюджет.

* Т. Buergisser. «Unerwuenschte Gaeste». Russische Soldaten in der Schweiz 1915–1920. Zuerich: Pano Verlag, 2010. 238 s.

Так, один из них устроился к сапожнику» (s. 172).

В годы Первой мировой войны русские военные, нашедшие убежище в Швейцарии, были представлены тремя группами: бежавшие из лагерей Центральных держав пленные, бывшие солдаты Русского экспедиционного корпуса во Франции и 300 солдат и офицеров, проходившие с 1919 г. лечение от туберкулеза в местных санаториях. Момент относительно массового появления русских в Швейцарии был напрямую связан с развитием системы лагерей военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. Только после относительной стабилизации лагерных структур и эпидемической ситуации, а также в связи с массовым привлечением солдат к принудительному труду в рабочих командах, находившихся на оккупированных территориях и в приграничной с Швейцарией зоне, пленные получили весьма призрачный шанс с риском для жизни достичь спасительной нейтральной территории. Однако немногие попытки оканчивались успехом, удачные побег в Швейцарию из немецкой или австрийской «глубинки» являлись исключением – большинство беглецов были пойманы и возвращены в лагеря или погибли, пытаясь пересечь границу. После попадания на швейцарскую территорию французы и итальянцы, бежавшие из немецкого и австрийского плена, отпускались местными властями на свободу в надежде, что знание языка поможет им без посторонней помощи вернуться на родину. Русским после подробного допроса предлагали остаться в Швейцарии или обратиться в русское дипломатическое представительство, которое через Францию отправляло их в Россию для последующего возвращения на военную службу. Возможность остаться в незнакомой стране выбрали около 50 человек. Как предполагает Бюргиссер, большинство из них являлись противниками царского режима и остались исключительно по политическим соображениям (s. 41). Подавляющее большинство бежавших из страха за дальнейшую судьбу и за оставленную на родине семью спешили связаться с русской миссией, которая считала данный шаг единственно правильным и обвиняла швейцарскую сторону в пособничестве нарушению солдатами военной присяги.

Среди хлынувших с началом войны в Швейцарию дезертиров разных национальностей русские составляли пятую по численности группу – примерно 1 тыс. человек (s. 87). Это были солдаты экспедиционного корпуса, сбежавшие из приграничных рабочих команд, куда они были насильно направлены французским командованием после отказа от участия в боевых действиях на стороне Антанты. Обос-

новывая в швейцарской прессе мотивы своего побега, русские солдаты жаловались на союзников и выражали желание как можно скорее вернуться свободными гражданами в Россию. Однако в силу сложившейся на тот момент политической и транспортной ситуации в Центральной и Восточной Европе швейцарские власти были не в состоянии организовать репатриацию и привлекли «нежелательных гостей» к работам по осушению болотистых местностей. Несмотря на протесты местных профсоюзов, требовавших уравнивания русских солдат в правах с местными рабочими, в командах был введен военный порядок, отягощавшийся непосильным трудом, плохими условиями обеспечения и стремительным распространением болезней. Неудивительно, что известие о заключении Брест-Литовского мира вызвало волну стачек. Однако швейцарские власти восприняли этот взрыв возмущения как результат работы провокаторов и вместо улучшения условий труда прибегли к арестам и уменьшению пайка (s. 115–118).

Интернирование больных военнопленных разных стран в Швейцарии служило в ходе Первой мировой войны поддержанию нейтралитета, смягчению внутривойсковых кризисов, а также спасению швейцарских курортов от разорения (s. 147). В отличие от всех стран-участниц мировой войны, лечивших военнопленных в швейцарских санаториях, отсутствие интереса к этому со стороны российских властей и медлительность переговоров привели к тому, что подписанные договоры так и не вступили в силу. Только после начала Гражданской войны в России представители белых армий, стремившиеся реализовать идею У. Черчилля о привлечении русских военнопленных к борьбе с большевиками, попытались использовать интернирование как способ пропаганды, который мог бы настроить оставшихся в лагерях на контакт с антиреволюционными правительствами. В июне 1919 г. в швейцарской Монтане удалось разместить 300 больных туберкулезом из числа бывших пленных (половина из них через 5 месяцев была отправлена через Германию в одну из антибольшевистских армий, дальнейшая их судьба неизвестна). Оставшиеся в Монтане больные, порою при самых авантюрных обстоятельствах, перешли под покровительство советской миссии Красного Креста.

Детально освещена в книге и деятельность обществ помощи военнопленным, возникших в Женеве и Берне, но до революции заботившихся преимущественно об оставшихся в лагерях Германии и Австро-Венгрии пленных, а не об оказавшихся в Швейцарии русских подданных (s. 37). Несколько странным для российского

читателя выглядит отсутствие в книге всякого упоминания деятельности Комитета заграничной организации РСДРП в составе ведущих большевиков-эмигрантов (В. Ульянова, Н. Крупской, И. Арманд, В. Шкловского), развернувших из Швейцарии агитационную деятельность в лагерях военнопленных Центральных держав. Ситуация кардинально изменилась после появления в Швейцарии «старого» и советского обществ Красного Креста, жестко конкурировавших друг с другом среди вынужденно задержавшихся в нейтральной стране сограждан. Уверенность швейцарских властей в том, что советские представители занимаются лишь пропагандой и организацией массовых забастовок в стране, привела не только к высылке миссии, но и к изменению самого либерального в Европе швейцарского миграционного законодательства. Внутриполитические конфликты, страх перед чужаками, рост антисемитизма и антибольшевизма отразились на судьбе русских военных. Отныне в них видели угрозу безопасности, от которой следовало как можно скорее избавиться. Следствием этого

стала трансформация образа России в целом, обусловившая поворот в истории российско-швейцарских отношений (s. 77, 199–200).

Бесспорным достоинством книги является ее информативность. Перед российским читателем предстает множество неизвестных фактов по истории Швейцарии в годы Первой мировой войны: противоречивость статуса маленькой нейтральной страны в эпоху колоссальных европейских потрясений, значимость вопроса о беглых, дезертирах и интернированных в общественной дискуссии и антиправительственной критике, устойчивость стереотипов в формировании образа старой и новой России. Однако на фоне детального и глубокого анализа этих масштабных процессов казалось бы главные герои книги – «русские солдаты» – оказываются всего лишь поводом для попытки создания качественной структурной истории.

О.С. Нагорная,
кандидат исторических наук
(Южно-Уральский государственный университет)

С.В. Карпенко. Белые генералы и красная смута. М.: Вече, 2009. 432 с.

Формально С.В. Карпенко поставил в своем исследовании задачу вскрыть финансовую подноготную Белого движения на Юге России. Получилось нечто большее: работа, всесторонне характеризующая возможности создания антибольшевистской, демократической России. Книга начинается с «Быховского пролога» и заканчивается «Константинопольским эпилогом», между ними разместились 3 раздела соответствующих временным рамкам и географическим привязкам белогвардейского движения: «Меж Тихим Доном и вольной Кубанью» (о перипетиях взаимоотношений с тамошними «самостийниками»); «Под перезвон московских колоколов» (об отчаянном броске деникинцев на большевистскую столицу); «Крым – вторая Россия» (о врангелевской попытке выстроить локальную альтернативу большевизму).

Теоретически Гражданская война могла развернуться по иному сценарию, окажись в руках белых генералов сразу же значительные средства: многократно усилился бы приток добровольцев из числа безработных офицеров. Однако донской атаман А.М. Каледин, опасаясь местных социалистов, дистанцировался от добровольцев, предприниматели, надеясь на скорый провал большевиков, отделались

выплатой ничтожных сумм. Не лучше вели себя и союзники России. В сущности, большая часть 1918 г. ушла на отчаянные поиски не только средств, но и пристанища для немногочисленной Добровольческой армии. Распад империи обернулся появлением на юге марионеточной «державы» П.П. Скоропадского, полузависимого от немцев правительства атамана П.Н. Краснова, а также Кубанской рады, вдохновляемой социалистами-федералистами. В результате снабжение добровольцев поддерживалось с помощью сомнительного бартерного обмена: кубанцы поставляли на Украину зерно, которое передавалось немцам, а взамен поставлялось русское оружие из запасов Юго-Западного фронта, которое Краснов перепродавал белогвардейцам. В мае–июне 1918 г. Добровольческая армия балансировала между двухнедельной и месячной потребностью в деньгах, а «в случае неполучения в конце этого срока обещанных союзниками 10 млн пришлось бы приступить к ликвидации армии» (с. 121). К осени 1918 г. денежное обращение на территориях, приютивших Вооруженные силы Юга России, «приобрело невиданную доселе пестроту»: ходили дореволюционные дензнаки, «керенки», крымские и донские рубли, украинские карбованцы, деньги советских